

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПЕЧЕНЕГОВ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ

На территории Карпато-Дунайского ареала известны тысячи кочевнических погребений. Среди них отдельную группу составляют памятники, определённые в научной литературе как древности венгров (A honfoglaló..., 1996). По данным письменных источников, эти племена проникли внутрь Карпатской дуги в конце IX в., довольно быстро осели на новых землях, а в начале XI в. организовали раннефеодальное государство - Венгерское королевство. Отрезок времени от проникновения до создания политического образования в историографии получил название периода “завоевания отчизны”. Соответственно, памятники номадов ареала X - XI вв. были определены как венгерские. Здесь необходимо отметить, что в данном случае этноним “венгры” применялся в историческом понимании. То есть, не учитывались многоплеменной состав проникшей орды, участие в последующем формировании скотоводческого населения уже занимавших эти земли “поздних аваров” и инвазия новых групп кочевников.

С накоплением вещевого материала была предпринята попытка поиска археологического содержания исторического названия “венгры”. Территориальные различия в обряде захоронения и погребальном инвентаре “ранневенгерских памятников” позволили исследователям разграничить их на две значительные группы. Первая была связана собственно с венграми, занявшими на начальном этапе проникновения земли Среднего Потисья, вторая - с примкнувшими к ним в ходе переселения кабарями, осевшими в верхнем течении реки (Кобаль, 1996, с.33).

Определение характерных черт материальной культуры кабаров ареала, проведённое по принципу поиска “не венгерского в венгерском мире”, стало в основе выделения свойственного этим тюрским племенам набора вещей. В первую очередь, с данными кочевниками были отождествлены пластинчатые сумочные бляхи и арабские дирхемы (Немет, 1972, с.219). Подобное историческое построение свидетельствовало о кабарском (тюркском) происхождении наиболее эффектных памятников “венгров-завоевателей” и, соответственно, вошло в противоречия с официальной венгерской теорией о финно-угорской этнической принадлежности Арпада и его ближайшего окружения. С другой стороны, оно оставляло за кочевниками всего Потисья собирательное название союза племён - “венгры”.

Следует отметить, что своеобразие материальной культуры номадов северо-восточной части Карпато-Дунайского ареала действительно сомнений не вызывает. Однако, на основании топонимики и археологических

материалов рубежа IX - X вв., в венгерской историографии была справедливо отмечена невозможность кабарской атрибуции верхнетисских племён (Эрдели, 1983, с.174-181).

Анализ древностей кочевников региона свидетельствует, что практически весь их вещевой набор датируется более поздним временем, чем рубеж IX - X вв. и происходит с территорий, расположенных восточнее Карпат. Попытки объяснить эту особенность торговыми связями с проживающим за горами населением успеха не принесли. Все материалы чётко указывают на проникновение в Верхнее Потисье во второй половине X в. значительной группы кочевников, не связанной с венгерским переселением.

После конкретизации хронологии и маршрута движения номадов в северную часть Потисья и анализа свидетельств средневековых авторов (Константин Багрянородный, 1982, 12, 36; *Gesta Hungarorum*, 2005, 58), племенная принадлежность памятников была пересмотрена (Прохненко, 2010, с.30-43; 2010а, с.410-420). На основании полученной информации можно утверждать, что новое население проникло на земли региона через Верецкий перевал с Северного Причерноморья, где, по свидетельствам письменных источников, в X в. локализовались печенеги.

Пересмотр племенной принадлежности номадов Верхнего Потисья заставил отказаться от их названия “завоеватели отчизны”, несмотря на то, что всего за несколько столетий печенеги были полностью ассимилированы населением Венгерского королевства.

На сегодняшний день проникновение печенегов в Потисье сомнений не вызывает, однако, остаётся целый ряд нерешённых вопросов, связанных с определением хронологии, характера, причин и масштабности этого события, а также дальнейшей судьбы племён, перекочевавших из причерноморских степей за Карпаты.

Из-за скудности данных письменных источников, ответы на поставленные вопросы можно получить только на основании археологических материалов. Первый шаг в решении проблемы - выделение вещей, характерных для печенежской культуры Карпато-Дунайского ареала. Поставленная задача облегчается тем, что они или совпадают, или нет с выделенными “кабарскими” древностями, указывающими начальное направление поиска. Для получения полной картины о переселении печенегов необходим анализ всех вещей, входящих в кочевнические погребальные комплексы северо-восточной части ареала.

Связанные с этими номадами вещи определяются проникновением с расположенных на восток от Карпат территорий через северо-восточные перевалы во второй половине X в. Инвентарь может отличаться происхождением (с территорий хазар, славян или норманов), однако на

момент преодоления перевалов он весь принадлежал печенегам.

Здесь необходимо отметить, что не все памятники Карпато-Дунайского ареала, где фиксируется наличие характерного для печенегов инвентаря, оставили эти кочевники. Вещи могли оказаться и у занимающих на то время доминирующую часть территории Карпатского бассейна венгров в результате обмена, дарения, потери, как военного трофея и т.д. Также учитываем и возможность обратного процесса - поступления венгерских вещей к печенегам.

На сегодняшний день по концентрации инвентаря “восточного” происхождения X в. необходимо выделить печенежские территории, а одновременных вещей “западного” происхождения - венгерские. Только после этого можно говорить о контактных зонах со смешанной материальной культурой, где, скорее всего, эти два народа проживали совместно. Причём, на момент проникновения печенегов, из-за отсутствия в Верхнем Потисье следов “венгерского” заселения первой половины X в., эта территория не могла быть контактной зоной.

Анализ погребальных комплексов свидетельствует, что с печенегами в Карпато-Дунайском ареале появились использованные в качестве монист арабские дирхемы, серьги екимауцкого типа, бусы из керамических бусин, застёжки сумочных ремней черниговского типа, пластинчатые сумочные бляхи типа Веч, орнаментированные растительным орнаментом бляхи для скрепления волос, палаши, сосуды-крынки и ряд других категорий вещей (Прохненко, 2006, с.174-185; 2011, с.291-299; Prohnenko, 2010, с.161-170). Рассмотреть их все в одной публикации невозможно, поэтому ограничимся наиболее показательными (арабские монеты, серёжки екимауцкого типа, пластинчатые сумочные бляхи типа Веч и заклёпки черниговского типа от сумок), позволяющими определить территорию печенежского заселения.

Дирхемы. В коллекции средневековых монет Карпатской котловины арабские номиналы X в. составляют ограниченную группу. Их присутствие фиксируется в 23 пунктах, в основном, на северных территориях ареала (Немет, 1972, с.218-219; Bálint, 1981; Kovács, 1989, Abb.34) (рис.2).

Проникновение дирхемов на запад исследователи (Кропоткин, 1969-1970, с.229; 1972, с.202; Гедаи, 1972, с.204) объясняют торговлей средневропейских городов с Русью. Однако доминирующая часть находок, за исключением клада (400 экз.) с Хустского р-на Закарпатской обл. Украины и единичных экземпляров с поселений, связана с кочевническими погребениями. Причём, характерной особенностью большинства монет является использование их в качестве монист (просверленные отверстия для подвешивания). Эти данные позволяют отказаться от утверждения об участии дирхемов в денежном обороте Карпатского ареала и связать их проникновение сюда, в виде украшений, с племенами кочевников.

Доминирующая часть поступивших в ареал саманидских номиналов отчеканена монетными дворами Бухары, Самарканда, аш-Шаши, Балхи и Андерабада в середине X в. (Кропоткин, 1969-1970, с.229; 1972, с.201; Kovács, 1989). Здесь необходимо подчеркнуть, что исследователи при датировке тезаврированных экземпляров предлагают к дате выпуска добавить ещё 30 - 35 (Langó, 2007) или даже 50 лет (Фёдоров, 1953, с.104-125). В любом случае, время чеканки и маршрут поступления дирхемов свидетельствует об их появлении на севере Карпатского ареала во второй половине X в. с печенегами, а не в конце IX в. с венграми.

Время инвазии новых племён уточняет датировка дирхема из погребения 3 Чомского некрополя. Эта монета на сегодняшний день является самой поздней эмиссией арабских номиналов в ареале. Доктором В.Новаком (Национальный музей в г.Праге) её чеканка связана с Мансуром ибн Нухом (961 - 976 гг.) (рис.1).

Маршрут проникновения печенегов в ареал с Причерноморья через территорию Вольни, Молдовы, Прикарпатья и перевалы (скорее всего Верецкий) фиксируется по единичным находкам дирхемов и кладам по другую сторону Карпат, в том числе недалеке от них (Красное, Цеканивка, Грабовец, Крылос, Нижниев, Львов, Звенигород, Перемышль) (Кропоткин, 1969-1970, с.227-229; 1972, с.198-201).

Картографирование находок монист-дирхемов внутри Карпатской дуги указывает на их особую концентрацию в верхнем течении р.Тисы. Скорее всего, именно эта территория и была заселена печенегами в конце X в.

В меньшем количестве дирхемы известны в Среднем Потисье и Северо-Восточном Подунавье. Данный факт, в комплексе с анализом распространения западноевропейских монет, позволяют определить указанные районы как “контактные зоны венгерской и печенежской культур”.

Для проверки высказанных предположений рассмотрим другие категории инвентаря, в первую очередь, серёжки екимауцкого типа. Их характерной особенностью являются подвески из зерни в виде виноградной грозди, припаянные на проволочное кольцо (рис.2).

Появление этого типа украшений в Потисье, судя по характеру нахождения в синхронных ингумационных погребениях кочевников в Чоме, Дёге, Тисаберцэле, Ибрани и других местах, произошло в один момент и период их использования был незначительным.

В отечественной специальной литературе эти серёжки получили название вольнский тип, так как большинство находок (до обнаружения в Екимауцах) происходило с Вольни (Дзис-Райко, 1959, с.83), в том числе с Борщевского клада 1883 г. (Корзухина, 1954, с.85) и Пересопницкого могильника (Лінка-Геппенер, 1948, с.190). В работах зарубежных учёных

серёжки определены как “токайский” тип (Istvánovits, 2003, old.287-288) по находке нескольких подобных украшений в Токайском “кладе” (Венгрия) (Mesterházy, 1994, old.193-242). Хотя сейчас продолжают употребляться разные названия (токайский, завадский, вольтинский, екимауцкий тип), будем использовать последнее, исходя из расположения единственной известной мастерской по их производству на Екимауцком городище (Фёдоров, 1953, с.122). Изготовление серёжек в Екимауцах, как одном из основных мест по выпуску данной продукции, подтверждается не только открытием мастерской ювелира, в которой обнаружен набор инструментария и готовые серёжки, а и значительным их количеством на городище (32 экземпляра) (Фёдоров, 1953, с.122; Дзис-Райко, 1959, с.83). Дополнительным свидетельством производства именно здесь этих украшений выступает факт профессионального ремонта отдельных екимауцких экземпляров (Дзис-Райко, 1959, с.83). Наибольшее количество находок данного типа, выявленных в Екимауцах вместе с инструментарием для их изготовления, причём не в кладе, а на городище, позволило Г.Б.Фёдорову (1953, с.125) не только сделать вывод об их местном изготовлении, но и считать специфическими украшениями тиверцев.

На находящихся недалеко от Екимауц памятниках в Прутско-Днестровском междуречье подобные экземпляры известны в незначительном количестве (городище Алчедар, Бранештский могильник), а в Серето-Прутском междуречье - на могильнике Рэдукэни (Istoria..., 2001, fig.39, 5,8; 42, 12-13).

Возможно, с проникновением части населения из Приднестровья через Восточные Карпаты связаны находки серёжек екимауцкого типа на памятниках X в. Румынии (Бландиана, Гымбаш, Клуж) (Фёдоров, Полевой, 1973, с.318,320-321).

В значительно большем количестве эти украшения встречаются на территориях к северу и северо-западу от центра их изготовления. За исключением погребений Киевского некрополя (Дзис-Райко, 1959, с.84), они представлены в материалах кладов (Юрковецкий 1864 г., Гнёздовский 1868 г., Борщевский 1883 г., Денисовский 1912 г. и Копеевский 1928 г.). Дату Юрковецкого, Борщевского и Копеевского кладов Г.Ф.Корзухина (1954, с.22,38,73) определяет второй половиной X в. или рубежом X - XI вв.

Считаем, что хроноиндикаторы позволяют ограничить закапывание Копеевского клада второй половиной X в. В отличие от других, он содержит наибольшее количество серёжек и вместе с Юрковецким находится ближе к Екимауцам. Хронологическое соответствие его последних эмиссий дирхемов с екимауцкими свидетельствует о возможной синхронности закапывания клада и уничтожения городища в результате одного

проникновения печенегов.

Своим более поздним нумизматическим материалом, в сравнении с другими кладами с серёжками, выделяется Денисовский 1912 г., единственный найденный на левобережье Днепра. В него входило 5400 монет (целых и в обломках) хронологического диапазона 805/6 - 1002/26 гг. (Корзухина, 1954, с.85). Клад расположен в стороне от упомянутых, датируется XI в. и обладает характерными чертами северо-западных кладов (Корзухина, 1954, с.22). От остальных он отличается не только датой, но и тем, что все обнаруженные в нём серёжки происходят от разных пар и поломаны. Состояние находок свидетельствует об использовании их не как украшений, а как серебряного лома, скорее всего ювелира.

Остальные находки серёжек демонстрируют их распространение в западном направлении от Екимауц и делятся на две группы: за пределами Карпатской дуги и внутри неё. Артефакты первой группы классифицированы М.Дековной (Dekówna, 1979, p.149) как вариант 3 серёжек с подвеской в виде виноградной грозди. Известны они в ряде пунктов Польши (Завада Ланскоронска, Краков, Лисовек, Олесница, Осница, Перемышль, Тшинаца), где датируются X - началом XI в. (Dekówna, 1979, p.155). Особый интерес вызывают перемышлянские находки, расположенные недалеко от Верецкого перевала. Группа из десяти погребений отражает определённое ответвление от основного направления продвижения печенегов внутрь Карпатской дуги с Северного Причерноморья. Польскими исследователями она датируется X в., а появление этих захоронений объясняется движением венгров с Карпатской котловины (Koperski, 1979, s.4; Kunysz, 1981, s.72). В данном случае нельзя говорить об аргументированности направления проникающих “венгров”, в первую очередь, на основании картографирования аналогичных материалов и их датировки. Предположение о печенежской атрибуции данного памятника подтверждается находкой в Перемышле клада более 700 арабских дирхемов середины X в. (Kunysz, 1981, s.65-66), который, как и подобные клады с Прикарпатья (Галич) и Закарпатья (Хустский р-н), по хронологии также нельзя связать с проникновением венгров в конце IX в.

Картографирование серёжек свидетельствует об их особенной концентрации в бассейне р.Тисы (рис.4). В отличие от экземпляров, обнаруженных за пределами Карпатского бассейна, как правило, известных по материалам кладов, практически все находки внутри Карпатской дуги связаны с кочевническими могильниками. Оружие, подобное входящему в захоронения некрополей этих номадов, известно из Екимауц, что позволяет предположить участие в разгроме городища кочевого населения, переместившегося с Северного Причерноморья в Карпатскую котловину. Проникновение печенегов из Степи, через Прикарпатье в Верхнее Потисье,

создаёт логическую последовательность развития событий, от разгрома Екимауцкого городища и закапывания кладов на Волини до прохождения этих номадов на запад и северо-запад.

Наибольшее количество серёжек внутри Карпатской дуги (11 экземпляров) известно на Чомском некрополе. Обращает на себя внимание факт их нахождения в бедных женских погребениях. Объяснением может служить попадание этих украшений к новым хозяевам не в результате торговли или обмена, как на этом настаивают венгерские исследователи (Б.Сёке, К.Мештергази, Е.Иштванович) (Istvánovits, 2003, old.288), а как военной добычи, полученной печенегами при разгроме тиверцев в Екимауцах (Прохненко, 2006, с.174-185; 2011, с.291-299).

Распространение находок указывает на их особую концентрацию, как и дирхемов, в верхнем течение р.Тисы, что подтверждает наше предположение о заселении именно этой территории печенегами в конце X в. Также следует отметить верность предположения о Среднем Потисье и Северо-Восточном Подунавье как о “контактных зонах венгерской и печенежской культур”.

Следующая категория инвентаря - пластинчатые сумочные бляхи, большинство которых орнаментировано растительным декором (рис.5). Их название М.Шульце-Дёрлам конкретизировала как тип Веч (Schulze-Dörlamm, 1988, s.417-421). В венгерской историографии стиль оформления этих блях определялся как характерный для венгров эпохи “завоевания отчизны”. При этом их изготовление связывалось с Карпато-Дунайским ареалом. Поступление сумок с пластинчатыми бляхами в результате торговли отрицалось на основании отсутствия подобных экземпляров в основных торговых центрах Восточной Европы (Dienes, 1964; 1972).

Картографирование находок показало их территориальное соотствие распространению дирхемов, в результате чего “венгерская” принадлежность сумок с бляхами была подвергнута сомнению (Немет, 1972, с.219).

Более того, исходя из наличия ранних экземпляров на севере Европы, можно предположить их выпуск на норманских территориях. К примеру, в погребении 956 Бирки подобная бляха находилась в комплексе с дирхемами 893 и 902 гг. (Schulze-Dörlamm, 1988, s.420).

Расположение и датировка этих находок в Карпатском бассейне свидетельствует об их печенежской атрибуции (рис.6). В погребениях Глаговца и Солнока сумочные бляхи были в комплексах с дирхемами Насра ибн Ахмада (918/919 гг. и 920/921 гг. соответственно), в погребении Кишкунфеледьгазы - с денаром Рудольфа Бургундского (922 - 926 гг.), то есть опять же не связаны с переселением венгров на рубеже IX - X вв.

На сегодняшний день можно не только говорить об изготовлении блях

на норманских территориях и дальнейшем попадании их с печенегами за Карпаты, но и предположить появление данных сумок у кочевников как военного трофея после разгрома ими в 972 г. дружины Святослава. Наиболее вероятно, подобные сумки были атрибутом ближайшего окружения киевского князя, что объясняет их незначительное количество в норманском мире по сравнению с печенежскими территориями Потисья.

Концентрация находок сумочных блях типа Веч в верхнем течении р.Тисы в очередной раз подтверждает наше предположение о заселении именно этой территории печенегами в конце X в., а также о “контактных зонах венгерской и печенежской культур” в Среднем Потисье и Северо-Восточном Подунавье.

С разгромом печенегами дружины Святослава на Хортице связано и появление у кочевников сумок с заклёпками черниговского типа (рис.7). Ограниченное количество находок позволяет предположить, что именно эти сумки подчёркивали положение самого близкого окружения киевского князя.

Аналогии потисским экземплярам находятся в норманских погребениях Бирки, Рёсты, Шестовицы, датированных X в. Так, в захоронении Рёсты заклёпка обнаружена в комплексе с дирхемом Насра ибн Нуха (943/944 гг.) (Schulze-Döglamm, 1988, s.424), а в кургане 93 Бирки на наконечнике ремня сумки зафиксирован знак Рюриковичей (трезубец), который С.С.Ширинский (1968, рис.1, 2) определил как тамгу Ярополка (973 - 978 гг.).

Хронологию проникновения подобных сумок за Карпаты в конце X в. определяет вышеупомянутый дирхем из погребения 3 Чомского некрополя. Аналогичную датировку имеет и находка из Перемышля, входящая в горизонт с серёжками екимауцкого типа.

Анализ заклёпок черниговского типа подтверждает маршрут и время проникновения печенегов в Карпатский бассейн, а также территорию их оседания - Верхнее Потисье (рис.8).

Распространение характерного для печенегов Верхнего Потисья инвентаря к востоку от Карпатской дуги позволяет установить механизм попадания к ним различных вещей в ходе конкретных исторических событий. Это и контакты печенегов с Хазарским каганатом накануне его разгрома, и уничтожение ими в 80-х гг. X в. тиверских городищ Пруто-Днестровского междуречья, и убийство в 972 г. князя Святослава и его дружины (Прохненко, 2010, с.30-43; 2010а, с.410-420; 2011, с.291-299).

Верхнее Потисье можно определить как основную территорию оседания печенегов после преодоления ими Верецкого перевала в последней четверти X в. (рис.9). Современные данные археологии о локализации печенегов в Карпатском ареале, севернее угров, совпадают со

сведениями произведения византийского императора о расположении здесь орд пачинакитов (печенегов) (Константин Багрянородный, 1982, 12, 36). Вопросы остаются лишь при конкретизации датировки их переселения в Верхнее Потисье. Трактат “Об управлении империей” был завершён к 955 г., а по археологическим источникам основное проникновение печенегов датируется не ранее 80-х гг. X в. Не исключено, что свидетельства о локализации части печенежских племён внутри Карпатской дуги были вставлены в парижскую редакцию произведения (конец XI в.) после смерти императора, когда изменились реалии размещения отдельных племён Европы.

Здесь следует обратиться и к сведениям венгерского хрониста Анонима. Он упоминает поселение значительного количества бешенеев (печенегов) на севере Венгрии с целью защиты страны в то время, когда угры прекратили продвижение на запад и осели в Карпаго-Дунайском ареале, то есть после 955 года (*Gesta Hungarorum*, 2005, 58).

Данные археологии и письменных источников о проникновении в Карпатский бассейн печенегов во второй половине X в. находят подтверждение в значительном количестве топонимов печенежского происхождения на северных территориях и сохранении здесь печенежской ономастики вплоть до XIII в. (Немет, 1972, с.211,213-214). Дополнительным свидетельством присутствия печенегов в регионе служит анализ народного творчества, насыщенного историями о бешенёвцах.

Отметим, что локализация печенежских древностей на территории Венгрии по данным топонимики, предпринятая А.Надем (Nagy, 1969, old.129-157), согласуется с нашими выводами, полученными на основании археологических материалов. Однако, большинство венгерских археологов отвергают предположение о присутствии печенегов в Верхнем Потисье (Pálóczi, 1996, old.7-36; Révész, 2008), так как предложенная схема требует пересмотра племенной принадлежности “наиболее классических древностей венгров”. В первую очередь, это касается ключевых памятников, таких как Ракамаз, Кенезлё, Карош, Земплин, Берегово, Свалява и других, укоренившихся в научной и научно-популярной литературе как венгерские. В свою очередь, атрибуция “венгерской классики” Верхнего Потисья как печенежской требует не только пересмотра истории населения этого региона, но и новых подходов при дифференциации кочевнических древностей в Северном Причерноморье.

Не останавливаясь детально на причинах сопротивления “печенежскому вопросу” в современной венгерской историографии, отметим, что проникновение этих племён в Верхнее Потисье в конце X в. сомнений не вызывает. Нерешённые вопросы остаются лишь при определении причин их переселения в регион непопулярным для кочевых народов маршрутом -

через Карпатские перевалы.

Середина и вторая половина X в. в Европе характеризуются важными историческими событиями. Это и поражение венгров, ознаменовавшее завершение их экспансии в Европе (955 год), и уничтожение Хазарского каганата Святославом (965 год), и Византийско-Болгарская, Византийско-Русская войны с участием венгров и печенегов и т.д. Как одна из возможных причин, заставивших печенегов выйти на северные окраины венгров, рассматриваем их конфликт с Киевской Русью. Это мог быть ряд ударов, нанесённых печенегам князем Владимиром (978 - 1015 гг.) в конце X в. после гибели от их рук Святослава. Однако, в таком случае трудно объяснить направление движения печенегов Северного Причерноморья на начальном этапе их переселения.

Наиболее вероятно, что проникновение кочевников в Верхнее Потисье через Верецкий перевал было вызвано внутренними конфликтами в Степи, особенно после появления в 60-х гг. X в. в Причерноморье очередного значительного контингента номадов. Не исключена и роль в этих событиях половцев, после разгрома Хазарского каганата вплотную приблизившихся к кочевьям печенегов.

Скорее всего, кочевники шли в Верхнее Потисье целенаправленно. Венгры позволили этим племенам поселиться в регионе, который, с одной стороны, не интересовал их как территория для перекочёвки, с другой, решался вопрос защиты северной пограничной зоны. Не последнюю роль в этом могли сыграть и родственные связи матери вождя венгров Гейзы с печенегами Причерноморья.

Также можно предположить, что в ходе передвижения кочевников, на их ослабленные и разрозненные отряды перед горными перевалами напала дружина князя Владимира, осведомлённого о перемещении племён. Хронологически эти события связаны с походом князя на города Перемышль и Червен в 981 г. (Літопис..., 1989, с.49), а свидетельством ударов по отдельным печенежским отрядам быликлады арабских дирхемов, оставленные номадами возле Карпат (Галич, Перемышль, Хустский р-н). Археологические материалы позволяют утверждать, что большая часть кочевников всё-таки достигла Верхнего Потисья, ставшего основной территорией их оседания в Карпатском бассейне.

На сегодняшний день наиболее проблемной остаётся интерпретация наличия “печенежских” вещей на могильниках Среднего Потисья и Подунавья. Ответ на вопрос, свидетельствуют ли они о проникновении на эти венгерские территории определённого печенежского контингента или нет, могут принести лишь дальнейшие исследования и новые материалы.

Prohnenko Igor (Ungvár, Ukrajna)

A besenyők lokalizálása a Kárpát-medencében

A Kárpátok és a Duna közötti területeken nomád temetkezések ezrei ismertek. A szakirodalomban honfoglaló magyarság hagyatékeként meghatározott emlékek külön csoportot képeznek közöttük (A honfoglaló..., 1996). A kútfők tudósítása szerint a magyar törzsek a IX század végén hatoltak a Kárpát-medencébe, viszonylag gyorsan megtelepedtek s a XI század elejére létrehozták feudális államukat - a Magyar királyságot. A betelepülés és politikai alakulat létrehozása közötti időszak a történetkutatásban "honfoglalás" néven szerepel. Ebből kifolyólag a térség X - XI századi nomád emlékei a magyarság hagyatékeként lettek meghatározva. Le kell szögeznünk, hogy az adott esetben a "magyar" népnév kizárólag történelmi szempontból értelmezendő. Figyelmen kívül hagytuk a betelepülő nomádok soknemzetiségű összetételét, valamint a területen lakó, idővel az etnogenezis szerves részévé váló "késői avarokat", más nomád népcsoportok további invázióját.

A leletek felgyülemelésével lehetővé vált a történelmi "magyarok" megnevezés régészeti tartalmának meghatározása. A temetkezések rituáléja és tárgyi anyaga közötti territoriális különbségek alapján a "korai magyar" emlékeket két jelentős csoportra osztották. Az első csoportot a magyarok hagyatéka alkotta, melyek kezdetben a Tisza középső folyását foglalták el, a másodikikat a hozzájuk csatlakozó kabar törzsek képviselték, melyek a folyó felső vidékén telepedtek meg (Кобаль, 1996, c.33).

A térség kabar népességére utaló anyagi kultúra meghatározása a "nem magyar elemek a magyar világban" elv szerint érvényesült, s megalapozta a türk népességre jellemző tárgycsoportok különválasztását. Az adott nomádokkal hozták kapcsolatba elsősorban a tarsolyemezeket és arab dirhemeket (Hemer, 1972, c.219). Az efféle történelmi következtetések a "honfoglaló magyarok" legkiemelkedőbb emlékeinek kabar (türk) mivoltáról tanúskodtak, és természetesen, összeütközésbe kerültek a hivatalos elmélettel, melynek értelmében Árpád és közvetlen környezete a finnugor etnikumot képviselte. Viszont biztosította a tiszavidéken megtelepült nomádok törzsszövetsége számára a "magyar" gyűjtőnevet.

Le kell szögeznünk, hogy a Kárpát-Dunai areál északkeleti részén letelepedett nomádok kulturális sajátossága kétségtelen. Ugyanakkor a földrajzi megnevezések és IX - X századi régészeti leletek alapján a magyar történetkutatásban elismertté vált a felső tiszavidéki törzsek kabarokkal való azonosításának lehetetlensége (Эрдели, 1983, c.174-181).

A térség nomád hagyatékának elemzése arról tanúskodik, hogy a teljes leletanyag későbbi a IX - X század fordulójánál, s a Kárpátoktól keletre eső területekről származik. E sajátosság a hegyeken túli lakossággal fenntartott

kereskedelmi kapcsolatokkal való magyarázata nem járt sikerrel. A leletek összessége jelentős nomád népcsoport beáramlásáról tanúskodik a X század második felében, mely nem hozható kapcsolatba a magyarok betelepülésével.

Pontosítva a nomádok a Tiszavidék északi részére való bevonulásának útvonalát és kronológiáját, a középkori szerzők tudósításait (Константин Багрянородный, 1982, 12, 36; Gesta Hungarorum, 2005, 58), az emlékek törzsi hovatartozása át lett tekintve. (Прохненко, 2010, с.30-43; 2010а, с.410-420). Az így szerzett információ alapján állíthatjuk, hogy az újonnan betelepült lakosság a Vereckeai hágón keresztül hatolt be a térségbe, s a Fekete tenger északi partvidékéről érkezett, ahol az írott források a X században a besenyőket lokalizálták.

A felsőtiszavidéki nomád lakosság törzsi hovatartozásának áttekintése lehetetlenné teszi a “honfoglalók” kifejezés alkalmazását velük szemben annak ellenére, hogy a besenyők mindössze néhány évszázad leforgásával beolvadtak a Magyar királyság népességébe.

A mai napra a besenyők behatolása a Tiszavidékre kétségtelen, bár fennmaradt egy sor megválaszolatlan kérdés a kronológia meghatározásával, az esemény jellegének, okainak és méreteinek megállapításával, a Fekete tenger vidékéről a Kárpát-medencébe betelepedett törzsek további sorsának nyomon követésével kapcsolatban.

A kútfők adatainak szegénysége miatt csak a régészeti leletanyag alapján lehet választ kapni a felvetett kérdésekre. A probléma megoldásában az első lépést a Kárpát-Dunai térségből származó besenyő kultúra tipikus tárgyi anyagának különválasztása jelenti. Feladatunkat megkönnyíti a leleteknek a kiinduló pontot képező “kabar” hagyatékkal mutatott hasonlósága vagy eltérése. A besenyők betelepüléséről alkotott teljes kép kialakításához elengedhetetlen az areál észak-keleti részén elhelyezkedő összes temetőkomplexum minden egyes tárgytípusának elemzése.

Az adott nomád népesség behatolásával kapcsolatos tárgyak a Kárpátoktól keletre eső földekről kerültek térségünkbe az észak-keleti hágókon keresztül a X század második felében. Származásuk eltérő lehet (kazár, szláv vagy normann területről), de a hágókon való áthaladásuk idejére a besenyők tulajdonát képezték.

Ugyanakkor le kell szögeznünk, hogy nem minden, a Kárpát-Dunai areál területén fellelhető leletegyüttes, mely besenyőkre jellemző tárgyakat tartalmaz, tulajdonítható ezeknek a nomádoknak. A Kárpát-medence területének nagy részét elfoglaló magyarokhoz is kerülhettek csere, ajándék, elveszített tárgyak vagy hadi trófea, stb. formájában. Figyelembe kell vennünk a folyamat fordítottját is, vagyis a magyar eredetű tárgyak besenyőkhöz kerülését.

A mai napra a X századi “keleti” származású tárgyak koncentrációja alapján ki kell jelölnünk a besenyő, a korabeli “nyugati” tárgyak alapján pedig a

magyar szállásterületeket. Csak ezek után beszélhetünk az érintkezési zónákról vegyes anyagi kultúrával, melyeket a két nép közösen birtokolt. A besenyők betelepülésének időpontjára a Felső Tiszavidéken a X század első felére tehető “magyar” jelenlét nem követhető nyomon, így a terület nem lehet érintkezési zóna.

A temetők anyagának elemzése arról tanúskodik, hogy a Kárpát-Dunai areál területén a besenyőkkel együtt jelentek meg a nyakékként viselt arab dirhemek, ekimauci típusú fülbevalók, kerámiagyöngyök, csernyigovi típusú tarsolyveretek, bodrogvécsi típusú tarsolylemezek, növényi elemekkel díszített hajfonatkorongok, szablyák, bordázott nyakú edények, stb. (Прохненко, 2006, c.174-185; 2011, c.291-299; Prohnenko, 2010, c.161-170). Részletes áttekintésük egy publikáción belül lehetetlen, éppen ezért csak a legdemonstratívabb tárgyakat vettük sorra (arab érmék, ekimauci típusú fülbevalók, Bodrogvécs típusú tarsolylemezek, csernyigovi típusú tarsolyveretek), melyek lehetővé teszik a besenyők szállásterületének behatárolását.

Dirhemek. A középkori érmék gyűjteményében a Kárpátok vonulatán belül fellelhető X századi arab pénzek korlátozott csoportot képeznek. 23 lelőhelyen vannak jelen, elsősorban a térség északi részén (Немер, 1972, c.218-219; Bálint, 1981; Kovács, 1989, Abb.34) (2 ábra).

A dirhemek beáramlását nyugatra a kutatók (Кропоткин, 1969-1970, c.229; 1972, c.202; Гедан, 1972, c.204) a közép-európai városok és Rusz között fenntartott kereskedelmi kapcsolatokkal magyarázzák. Ellenben a leletek nagy része, a Kárpátaljai Huszt megye területéről származó kincsen (400 példány), s néhány települések területén fellelhető szörványleleten kívül, nomád temetkezésekhez kapcsolódik. Jellemző, hogy az érmék többségét nyakékként viselték (át vannak fűrva). Ennek alapján bátran tagadhatjuk az arab dirhemek részvételét a Kárpát-medence pénzforgalmában, megjelenésüket pedig, ékszer formájában, nomád törzsekkel hozhatjuk kapcsolatba.

A térségben fellelhető számanida érmék többsége Buhara, Szamarkand, Sás, Balkhi és Andarabad pénzverdéiben készült a X század közepén (Кропоткин, 1969-1970, c.229; 1972, c.201; Kovács, 1989). A kutatók a meghatározható példányok datálásakor a kibocsátás és eltemetés közötti használati időt 30-35 (Langó, 2007), sőt 50 évre becsülik (Фёдоров, 1953, c.104-125). Minden esetre, a veretek kibocsátása és behozataluk útvonala arról tanúskodik, hogy a dirhemek a Kárpát-medencében a X század második felében jelentek meg a besenyőkkel, és nem a IX század végén a magyarokkal. Az új törzsek beáramlásának pontosabb keltezéséhez a csomai temető 3 sírjában talált dirhem szolgáltat adatokat. A mai napra ez a veret a legkésőbbi kibocsátású a térség arab érméi közül. Dr. Novák V. (Prágai Nemzeti Múzeum) a veretet I al-Manszúr (961 - 976) uralkodóval hozza kapcsolatba (1 ábra).

A besenyők térségbe való beáramlásának útvonalát a Fekete tenger vidékéről

Volinyon, Moldván, a Kárpátmelléki területeken és a hágókon (valószínűleg a Vereckei hágón) át szórványleletek és kincsleletek jelzik a Kárpátok túloldalán, többek között a hegyvonulat közelében (Krasznoje, Cekanivka, Grabovec, Krilosz, Nyizsnyijev, Lviv, Zvenigorod, Przemysl) (Кропоткин, 1969-1970, c.227-229; 1972, c.198-201).

A függőként használt dirhem-leletek térképezése a Kárpátok vonulatán belül a leletek koncentrációjára mutat a Tisza felső folyásánál. Valószínűleg, éppen ez a térség vált a besenyők szállásterületévé a X század végén.

A Tisza középső folyásán és a Felvidéken dirhemleletek csak elszórtan fordulnak elő, ami a nyugat-európai veretek előfordulásának elemzésével lehetővé teszi a térség “magyar és besenyő kultúra érintkezési zónájaként” való meghatározását.

A fentebb kifejtett feltételezéseink alátámasztására sorra veszünk még néhány tárgycsoportot, s elsőként a ekimeiuici típusú fülbevalókat. Fő jellemvonásuk a drótkarikára erősített szőlőfürt formájú gömbcsüngő (2 ábra).

Az ékszertípus megjelenése a Tiszavidék nomádjainak inhumációs temetőiben Csomán, Dögén, Tiszabercelen, Ibrányban, stb. körülbelül egy időben történt, viselésük rövid időtartamra korlátozódik.

A hazai szakirodalomban a szőlőfürtös fülbevalók volinyi típusként szerepelnek, mivel a leletek többsége (Ekimauci feltárása előtt) Voliny területéről származott (Дзис-Райко, 1959, c.83), többek között az 1883-ban feltárt Borscsivkai kincsleletből (Корзухина, 1954, c.85), valamint a Pereszopnicai temetőből (Лінка-Геппенер, 1948, c.190). A külföldi kutatók dolgozataiban tokaji típusként vannak meghatározva (Istvánovits, 2003, old.287-288), mivel az ún. “tokaji kincs” tartalmazott néhány példányt (Mesterházy, 1994, old.193-242). Mivel a típusnak mindmáig különböző megnevezései fordulnak elő (tokaji, volinyi, zavadai, ekimauci), a továbbiakban az utóbbit fogjuk használni, mivel az egyetlen műhely, ahol ilyen ékszereket készítettek, az Ekimauci földvár területéről ismert (Фёдоров, 1953, c.122). A fülbevalók Ekimauci, mint főbb központ, területén történő előállítását nem csak az ékszerésműhely, kész áru és szerszámok feltárása bizonyítja, hanem a földvár területén fellelhető fülbevalók száma is (32 példány) (Фёдоров, 1953, c.122; Дзис-Райко, 1959, c.83). Kiegészítőként, bizonyítékul szolgálhatnak az egyes példányokon észrevehető profi javítás nyomai (Дзис-Райко, 1959, c.83). Az Ekimauciban szerszámokkal együtt fellelhető, mégpedig nem kincsleletből, hanem a földvár területéről származó fülbevalók nagy száma alapján G.Fjodorov arra a következtetésre jutott, helyi készítésű, a tivercek népcsoportjának sajátos ékszeréről van szó (1953, c.125).

Az Ekimauci környéki, Prut-Dnyeszter közti lelőhelyeken hasonló példányok kis számban az Alcedari földvár, Branesti temető, a Szeret-Prut közén pedig a Răducăneni temető területéről ismertek (Istoria..., 2001, fig.39, 5,8; 42, 12-13).

Lehetséges, hogy a lakosság egy részének Dnyeszter-mellékről a Keleti Kárpátokon való áthatolásával kapcsolatos az ekimauci típusú fülbevalók megjelenése a X századi romániai lelőhelyeken (Blandiana, Gîmbas, Kolozsvár) (Фёдоров, Полевой, 1973, c.318,320-321).

Jóval nagyobb számban fordulnak elő ilyen ékszerek előállításí központjuktól északra és észak-nyugatra. A kijevei temető kivételével (Дзис-Райко, 1959, c.84), kincsleletekben vannak képviselve (Jurkovci 1864, Gnyozdovo 1868, Borscsivka 1883, Denisz 1912, Kopijivka 1928). A jurkoveci, borscsivkai és kopijivkai kincseket G.Korzuhina a X századra, esetleg a X - XI század fordulójára keltezi (1954, c.22,38,73). Véleményünk szerint a kopijivkai kincs földbe kerülésének idejét a X század második felére tehetjük. A többiekkel ellenben, a kopijivkai tartalmazta a legtöbb fülbevalót s a jurkoveci lelettel együtt a legközelebb esik az Ekimauci földvárhoz. A kincslelet zárópénze kronológiailag megegyezik az ekimauciakkal, s ez lehetővé teszi a kincs egyidejű földbe kerülését a földvár megsemmisítésével egy besenyő betörés következtében.

Az egyetlen, a Dnyeper bal partjáról származó lelet az 1912-ben feltárt deniszi kincs, későbbi eredetű numizmatikai anyagával tér el a többi lelettől. 5400 érméből állt (ép és törött), melyek időrendi határai 805/6 - 1002/26 között mozognak (Корзухина, 1954, c.85). A lelőhely a fent említettekhez képest félreesik, kora a XI. századra tehető, magán viseli az észak-nyugati kincsek fő jellemvonásait (Корзухина, 1954, c.22). Nem csak keltezése különbözteti meg a többi lelettől, hanem az a tény is, hogy az összes, itt talált fülbevaló pár nélküli, törött. A leletek állapota arról tanúskodik, hogy nem ékszereként, hanem ezüsttörmeléként használhatta fel valószínűleg egy ékszerész.

A többi fülfüggő-lelet Ekimaucitól nyugatra való terjeszkedésükre utal és két csoportra oszlik: a Kárpátokig íven kívül és belül eső leletekre. Az első csoportba tartozó darabokat M.Dekówna a szőlőfürtös fülbevalók 3. változatába sorolta be (Dekówna, 1979, s.149). Lengyelország területén egy sor lelőhelyről ismertek (Zawada Lanckoronska, Krakow, Lisowek, Olesnica, Osnica, Przemysl, Tsinica), a X - XI század elejére datálják őket (Dekówna, 1979, p.155). Számunkra különösen érdekes a Przemysli lelet, mely a Vereckei hágó közvetlen közelében helyezkedik el. A tíz sírből álló temető a Fekete tenger északi partvidékéről a Kárpát-medencébe vonuló besenyők fő útvonalától elágazó csoportot képviselhet. A lengyel kutatók keltezése szerint a sírok a X századra tehetőek, megjelenésüket a magyarok a Kárpát-medencéből való átvonulásával magyarázzák (Koperski, 1979, s.4; Kunysz, 1981, s.72). Az adott esetben a "magyarok" átvonulásának irányát indokolatlannak tartjuk, elsősorban az analógiák feltérképezése és keltezése alapján. A lelet-együttes besenyő meghatározását a Przemysl közelében talált, 700, X század közepi arab dirhmből álló kincslelet is alátámasztja (Kunysz, 1981, s.65-66), melyet a hozzá hasonló kárpátmelléki (Halics) és kárpátaljai (Husztai járás) kincsleletekkel

együtt kronológiailag semmiképpen nem kapcsolhatunk össze a magyarok betelepülésével a IX század végén.

A fülbevalók feltérképezése különös koncentrációjukról tanúskodik a Tisza medencéjében (4 ábra). A Kárpátok ívén kívül eső, kincsleletekből ismert példányoktól eltérően a Kárpát-medence területéről származó gyakorlatilag összes lelet nomád temetőkhöz hozható kapcsolatba. A nomád temetőkben fellelhető fegyverekhez hasonló példányok az Ekimauci földvár területéről ismertek, amiből arra következtethetünk, hogy a Fekete tenger északi partvidékéről a Kárpát-medencébe vonuló népesség a részt vett a földvár bevételeiben. A besenyők betörése a sztyeppékről a kárpátmelléki területeken át a Felső Tiszavidékre az események logikus láncolatát alkotja az Ekimauci földvár elfoglalása a Voliny területén elrejtett kincsek és nomádok nyugatra és északnyugatra való benyomulása között.

A Kárpát-medencén belül a legtöbb fülbevaló (11 példány) a csomai temetőből ismert. Figyelemre méltó az a tény, hogy szegény női sírokban is előfordulnak. Ez, valószínűleg azzal magyarázható, hogy új tulajdonosukhoz nem kereskedelem útján kerültek, ahogy a magyar kutatók többsége véli (Szőke B., Mesterházy K. Istvánovits E.) (Istvánovits, 2003, old.288), hanem mint hadi trófea, melyet a besenyők a tivercek szétverésekor szereztek Ekimaucinál (Прохненко, 2006, c.174-185; 2011, c.291-299).

A leletek elterjedése, akárcsak a dirhemeké, a Tisza felső folyásánál való koncentrációról tanúskodik, ami megerősíti feltevésünket a terület besenyő betelepítéséről a X század végén. Helyesnek látszik az a feltételezés is, hogy a Tisza középső folyása és a Felvidék “a magyar és besenyő kultúra érintkezési zónáját” képezte.

A tárgyak következő csoportját a többségükben növényi motívumokkal díszített tarsolylemezek alkotják (5 ábra). M. Schulze-Dörrlamm vécsi típusként említi őket (Schulze-Dörrlamm, 1988, s.417-421). A magyar történetkutatásban a tarsolylemezek kivitelezése klasszikus “honfoglalás” kori stílusként szerepel. Előállításuk helyeként a Kárpát-Dunai térséget tartják számon. Kereskedelem útján való beáramlásukat elvetették, mivel párhuzamaik Kelet-Európa főbb kereskedelmi központjaiban nem lelhetőek fel (Dienes, 1964; 1972).

A leletek feltérképezése a dirhemek területi elterjedésével azonos eredményt mutat, ami kétségessé tette a lemezes tarsolyok “magyar” eredetét (Hemer, 1972, c.219). Sőt, az Európa északi részén található korai példányok alapján feltételezhetjük a tarsolylemezek normann területeken való gyártását. Például szolgálhat Birka temetőjének 956 sírja, ahol egy hasonló lemez 893 és 902 kibocsátású arab dirhemekkel képez együttest (Schulze-Dörrlamm, 1988, s.420).

A tarsolylemezek lelőhelyeinek elhelyezkedése és keltezése a Kárpát-medencében a besenyő hagyatékhöz tartozásukról tanúskodik (6 ábra). A galgóczi és szolnoki temetőkben a tarsolylemezek Nazír ibn Ahmed vereteivel

együtt kerültek elő (918/919 valamint 920/921), Kiskunfélegyházán Burgund Rudolf dénárjával (922 - 926), vagyis sehogy sem lehettek kapcsolatban a IX - X század fordulóján betelepülő magyarokkal.

A mai napra nem csak a lemezek normann területeken történő előállításáról és később a besenyők tulajdonaként a Kárpát-medencébe kerüléséről beszélhetünk, hanem feltételezhetjük azt is, hogy a tarsolyok a Szvjatoszlav fejedelem druzsinája felett aratott, 972. évi győzelem után, mint hadi trófea kerültek a nomádokhoz. Nagy a valószínűsége annak, hogy a lemezes tarsolyok a kijevi nagyfejedelem közvetlen környezetének megkülönböztető jeléül szolgálhattak, ami megmagyarázná szórványos elterjedésüket a normann világban és viszonylag magas koncentrációjukat a besenyők által benépesített Tiszavidéken.

A vécsi típusú tarsolylemezek koncentrációja a Tisza felső folyásánál még egyszer alátámasztja feltételezésünket a vidék besenyők által való betelepítéséről a X század végén, akárcsak azt, hogy a Tisza középső folyása és a Felvidék "a magyar és besenyő kultúra érintkezési zónája" volt.

A besenyők Szvjatoszlav felett Hortica szigetén aratott győzelmével kapcsolatos a csernyigovi típusú tarsolyveretek (7 ábra) megjelenése is. A leletek korlátozott száma arra utal, hogy a veretek kijevi nagyfejedelem közvetlen kíséretének megkülönböztető jeléül szolgálhattak.

A tiszavidéki példányok párhuzamai Birka, Rosta, Sesztovica X századi temetőiben fordulnak elő. Rosta temetőjében a tarsolyverettel együtt Nazir ibn Núh korából származó arab dirhem került elő (943/944) (Schulze-Dörrlamm, 1988, s.424), Birka 93 halomsírijában a tarsoly szíjának záróveretén a Rjurikovics dinasztia jelvénye - a háromtagú szigony (trezubec) látható, melyet Sz.Sirinszkij (1968, 1, 2 ábra) Jaropolk tagójaként (973 - 978) határozott meg.

A veretes tarsolyok megjelenését a Kárpátmedencében a X század végén a csomai temető 3 sírjában talált dirhem illusztrálja. Hasonló keltezésű a psemysli lelet, amely ekimauci típusú fülbevalókkal volt egy rétegben.

A csernyigovi típusú tarsolyveretek lelőhelyeinek elemzése megerősíti a besenyők bevonulásának útvonalát és idejét a Kárpát-medencébe, megtelepedésüket a Felső Tiszavidéken (8. ábra).

A felsőtiszavidéki besenyőkre jellemző leletek a Kárpátoktól keletre való elterjedése megmagyarázza a különböző tárgyak birtokukba kerülésének mechanizmusát konkrét történelmi események keretein belül. Ide sorolhatjuk kapcsolataikat a Kazár kánsággal annak bukása előtt, a Prut-Dnyeszter közti tiverec földvárak lerombolását a X század 80-s éveiben, Szvjatoszlav nagyfejedelem és kíséretének lemészárlása 972-ben (Прохненко, 2010, c.30-43; 2010a, c.410-420; 2011, c.291-299).

A Felső Tiszavidék a X század utolsó negyedében, a Vereckei hágón való átkelés után a besenyők fő szállásterületévé vált (9. ábra). A modern régészeti adatai

a besenyők lokalizálását illetően a Kárpát-medencében, a magyaroktól északra, megegyeznek Konstantin bizánci császár tudósításaival a nomádok hordáinak elhelyezkedéséről (Константин Багрянородный, 1982, 12, 36). Ugyanakkor a Felső Tiszavidékre való áttelepülésük keltezése kérdéses. A „De administrando Imperio” művét Konstantin 955-ben fejezte be, míg a besenyők betelepülésének fő hulláma a régészeti leletek alapján a X század 80-s éveire tehető. Nem kizárt, hogy a besenyő törzsek egy részének Kárpátokon belüli lokalizálásáról szóló információ a későbbi, a párizsi kéziratba került be (XI század vége) a császár halála után, amikor egyes európai népcsoportok elhelyezkedése megváltozott. Nem hagyhatjuk figyelmen kívül Anonymus krónikáját sem. A szerző nagyobb besenyő csoport betelepítéséről beszél a nyugati kalandozások befejeztével, amikor a magyarok véglegesen birtokukba vették a Kárpát-medencét, Észak-Magyarország területére határvédelmi célokból (Gesta Hungarorum, 2005, 58).

A régészet és írott források adatait a besenyők betelepüléséről a Kárpát-medencébe a X század második felében alátámasztják a jelentős számban előforduló, besenyőkre utaló földrajzi nevek is, melyek Észak-Magyarországon a XIII századig jelen voltak (Немет, 1972, c.211,213-214). A nomádok e csoportjának jelenlétéről tanúskodik a régió népköltészetének elemzése is, mely telítve van besenyőkről szóló történetekkel.

Figyelemre méltó, hogy a magyarországi besenyő szállásterületek feltérképezése melyet Nagy Árpád földrajzi nevek alapján kísérelt meg (Nagy, 1969, old.129-157), gyakorlatilag megegyezik a régészeti anyag elemzésekor levont következtetéseinkkel. Viszont a magyar régészek többsége tagadja Nagy Árpád feltevését a besenyők jelenlétéről a Felső Tiszavidéken (Pálóczi, 1996, old.7-36, Révész, 2008) mivel a felajánlott elmélet a “klasszikus magyar régészeti emlékek” etnikai hovatartozásának áttekintését vonná maga után. Ez elsősorban az olyan kulcsfontosságú lelőhelyeket illeti, mint Kenézlő, Rakamaz, Karos, Zemplén, Beregszász, Szolyva, melyek a szak- és ismeretterjesztő irodalomban a magyarok emlékeiként szerepelnek. A felsőtiszavidéki “magyar klasszika” besenyő hagyatékként való elismerése elsősorban a Fekete tenger északi partvidékének nomád emlékeinek differenciálásában új hozzáállást helyez kilátásba.

Nem részletezve a “besenyő kérdés” által kiváltott ellenállás okait a magyar történetkutatásban, leszögezzük, hogy a nomád törzsek betelepítése a Felső Tiszavidékre a X század második felében kétségtelen. Nyitott marad a besenyők Kárpátok hágóin át történő beáramlásának kérdése, mivel ez az útvonal a nomádok körében nem volt népszerű.

A X század közepén és második felében Európában egy sor fontos történelmi esemény zajlott. Ide tartozik a magyar sereg veresége, mely véget vetett a kalandozásoknak (955), a Kazár kánság megsemmisítése Szvjatoszlav nagyfejedelem által (965), a bizánci-bolgár és bizánci-rusz háborúk, melyekben

mind a magyarok, mind a besenyők részt vettek, stb. A Kijevi Russzal felmerülő konfliktus lehetett az egyik kiváltó ok, melynek eredményeképpen a besenyők megjelentek a magyar szállásterületek északi peremén. Pontosabban a támadások sorozata lehetett, melyeket Vlagyimir nagyfejedelem indított a X század végén (978 - 1015) a besenyők ellen Szvjatoszlav meggyilkolása után. Ebben az esetben viszont nehéz megmagyarázni a besenyők útvonalválasztását a Fekete tenger partvidékéről való vándorlásuk kezdetén.

Valószínűbbnek látszik, hogy a Felső Tiszavidékre a Vereckei hágón át történő áttelepedés kiváltó okául valamilyen belső konfliktus szolgált a sztyeppén, különösen figyelembe véve a nomádok újabb jelentős csoportjának megjelenését a Fekete tenger partvidékén a X század 60-s éveiben. Nem zárhatjuk ki a kunok (polovecek) szerepét sem az eseménysorozatban, melyek a Kazár kaganátus bukása után a besenyő szállásterületek közvetlen közelébe kerültek. Bátran feltételezhetjük, hogy a nomád törzsek céltudatosan nyomultak a Felső Tiszavidékre. A magyarok nem gátolták betelepedésüket, mivel a terület egyrészt érdektelen volt számukra nomadizálás céljából, másrészt így biztosították az északi határvidék védelmét. Nem utolsó szerepet játszhattak ebben Géza fejedelem édesanyjának rokoni kapcsolatai a Fekete tenger melléki besenyőkkel.

Feltételezhetjük, hogy Vlagyimir nagyfejedelem kísérete, értesülve a nomádok vonulási útvonaláról, rajtaütött a szétszórt és legyengült csapatokon közvetlenül a hágók előtt. Kronológiailag ezeket az eseményeket Vlagyimir Przemysl és Cserven ellen indított hadjáratának idejére tehetjük 981-ben (Літопис..., 1989, c.49). Az egyes besenyő osztagokra mért csapások bizonyítékául a Kárpátok vonulatának közvetlen közelében elrejtett arab dirhemeket tartalmazó kincsek szolgálhatnak (Halics, Przemysl, Huszti járás). A régészeti leletek bizonyítják, hogy a nomádok többsége elérte a Felső Tiszavidéket, mely a Kárpát-medencében fő szállásterületükké vált.

A mai napra a legnagyobb problémát a Tisza középső folyásának területéről és a Felvidékről származó "besenyő" tárgyak és temetők interpretálása jelenti. Arra a kérdésre, hogy ezek az emlékek a besenyők magyar szállásterületekre való beszivárgását jelentik-e, csak a leletanyag további kutatása adhat választ.

Ключові слова: Верхне Потисся, угорці, печеніги, кочівники, могильник, городище.

Ключевые слова: Верхнее Потисье, венгры, печенегы, кочевники, могильник, городище.

Key words: Upper Tisza region, Hungarians, Pechenigs, nomadic tribes, necropolis, fortified settlement.

Прохненко І.А. (м.Ужгород, Україна)

Локалізація печенігів у Карпатському басейні

(Резюме)

Сучасні дані археології дозволяють визначити Верхнє Потисся як основну територію проникнення значної групи печенігів з Північного Причорномор'я до Карпатського басейну наприкінці Х ст. Ці племена фіксуються за інвентарем хазарського, слов'янського та норманського походження, який потрапив до них перед розгромом Хазарського каганату у 965 р., під час знищення в 70 - 80-х рр. Х ст. тівєрських городищ Пруто-Дністровського межиріччя, і вбивства в 972 р. на дніпровських порогах князя Святослава.

Скоріше за все, проникнення кочівників у Верхнє Потисся непопулярним для кочових народів маршрутом - через Карпатські перевали викликали внутрішні конфлікти Степу. У ході переселення загопи печенігів зазнали нападу з боку дружини князя Володимира біля гірських перевалів. Хронологічно вказані події можна пов'язати з походом князя на міста Перемишль та Червен у 981 р. Свідченням ударів по окремих печенізьких загонах були скарби арабських дирхемів, залишені номадами біля Карпат (Галич, Перемишль, Хустський р-н).

Прохненко И.А. (г.Ужгород, Украина)

Локализация печенегов в Карпатском бассейне

(Резюме)

Современные данные археологии позволяют определить Верхнее Потисье как основную территорию проникновения значительной группы печенегов с Северного Причерноморья в Карпатский бассейн в конце Х в. Эти племена фиксируются по инвентарю хазарского, славянского и норманского происхождения, попавшего к ним перед разгромом Хазарского каганата в 965 г., во время уничтожения в 70 - 80-х гг. Х в. тиверских городищ Пруто-Днестровского междуречья, и убийства в 972 г. на днепровских порогах князя Святослава.

Скорее всего, проникновение кочевников в Верхнее Потисье непопулярным для кочевых народов маршрутом - через Карпатские перевалы вызвали внутренние конфликты Степи. В ходе переселения отряды печенегов подверглись нападению со стороны дружины князя Владимира возле горных перевалов. Хронологически указанные события можно связать с походом князя на города Перемишль и Червен в 981 г. Свидетельством ударов по отдельным печенежским отрядам были

клады арабских дирхемов, оставленные номадами возле Карпат (Галич, Перемышль, Хустский р-н).

Prohnenko I.A. (Uzhgorod, Ukraine)

The Localization of Pechenegy in Carpathian Basin

(Summary)

Modern archeological data allows defining of Upper Tisza region as the main territory of infiltration of the considerably big group of Pechenegy from the Northern Black Sea area to Carpathian basin in X AD. These tribes were defined by the inventory of Khazar, Slavic, and Norman origin. They have gotten it on the eve of Khazar Khanate defeat in 965, during the devastation of Tiver fortified settlements on Prut and Dniester rivers in 70-80s of X AD, and homicide of the Prince Svyatoslav at the Dnieper thresholds in 972.

Likely the infiltration of the nomads in the Upper Tisza region, using “unpopular” among the nomadic tribes route - through the Carpathian passes, has been caused by the internal conflicts in the Steppe. During the resettlement the units of Pechenegy suffered the assault of the Prince Volodymyr warriors at the mountainous passes. Chronologically these events can be connected to the raid of the prince to the towns of Peremyshl and Cherven in 981. The treasures of Arabic dirhams, left by the nomads at Carpathians (Halych, Peremyshl, Khust district) are the evidences of the assaults on some of Pechenegy units.

Иллюстрации

Рис.1. Чома (ур.Сипа Хат). Арабский дирхем из погребения 3.

Рис.2. Серёжки екимауцкого типа из погребений кочевников в бассейне р.Тисы. 1-8. Чома; 9. Дёге; 10. Тисаберцел; 11-12. Ибрань. 9-12 (по Э.Иштванович).

Рис.3. Карта распространения арабских дирхемов в Европе (по Ч.Балинту) с конкретизацией пунктов, связанных с передвижением печенегов из Северного Причерноморья в Карпатский бассейн во второй половине X в. 1. Берегово (Буча); 2. Веч; 3. Глоговец; 4. Добра; 5. Ибрань; 6. Карош; 7. Кенезлэ; 8. Кечкемет; 9. Киштокай; 10. Пап; 11. Прша; 12. Сегед; 13. Силаш; 14. Сольнок; 15. Сомод; 16. Тата; 17. Твырдошовце; 18. Тисашой; 19. Хайдудорог; 20. Хустский р-н; 21. Чома; 22. Шарошпоток; 23. Эгер; 24. Алчедар; 25. Екимауцы; 26. Галич; 27. Перемышль.

Рис.4. Карта распространения серёжек екимауцкого типа в Европе. 1. Алчедар; 2. Бесоб; 3. Бландиана; 4. Борщевка; 5. Бранешты; 6. Вац-

Хейткаполна; 7. Гымбаш; 8. Гнёздово; 9. Денис; 10. Дёге; 11. Екимауцы; 12. Завада Ланскоронска; 13. Ибрань; 14. Киев; 15. Кировоград; 16. Киштокай; 17. Клуж; 18. Копеевка; 19. Краков; 20. Лисовек; 21. Ниредьхаза; 22. Нодькевешд; 23. Олесница; 24. Осница; 25. Перемышль; 26. Пересопница; 27. Прша; 28. Рэдукэни; 29. Саболч-Вонтотопарт; 30. Сентеш-Сентласло; 31. Соб; 32. Терекканижа; 33. Тисаберцел; 34. Тшиница; 35. Ужгородский р-н (?); 36. Чома; 37. Чонград; 38. Юрковцы.

Рис.5. Орнаментированные сумочные бляхи типа Веч Карпатского ареала. 1. Бана; 2. Баранд; 3. Бодрогвеч; 4. Дунавече-Фегередьгаз; 5/1-2. Эперейшке; 6. Глаговец; 7. Карош; 8. Кишкунфеледьгаза; 9. Ракамаз; 10. Солнок; 11. Свалява; 12. Тарцал; 13. Тисабездед; 14. Туркеве; 15. Реткёзберенч.

Рис.6. Карта распространения сумочных блях типа Веч в Европе. 1. Бана; 2. Баранд; 3. Бодрогвеч; 4. Дунавече-Фегередьгаз; 5. Эперейшке; 6. Глаговец; 7. Карош; 8. Кишкунфеледьгаза; 9. Ракамаз; 10. Солнок; 11. Свалява; 12. Тарцал; 13. Тисабездед; 14. Туркеве; 15. Бирка; 16. Крюково-Кузное; 17. Паново; 18. Веселово; 19. Бешенётелек; 20. Ижак; 21. Кенезлё; 22. Тисазслар; 23. Тисанана; 24. Тужер; 25. Реткёзберенч.

Рис.7. Чома (ур.Сипа Хат). Реконструкция сумки из погребения 3.

Рис.8. Карта распространения заклёпок черниговского типа в Европе. 1. Бирка; 2. Борки; 3. Гнёздово; 4. Иваново; 5. Киев; 6. Новый Белоус; 7. Перемышль; 8. Рёста; 9. Стреда над Бодрогом; 10. Сязнега; 11. Уйфегерто; 12. Чемичино; 13. Чернигов; 14. Чома; 15. Шестовицы.

Рис.9. Локализация печенегов в Карпатском бассейне.

Illusztrációk jegyzéke

1 ábra. Csoma (Szípa Hát). Arab dirhem a 3 sírból.

2 ábra. Ekimauci típusú fülbevalók a Tisza medencéjének nomád temetkezéseiből. 1-8. Csoma; 9. Döge; 10. Tiszabercel; 11-12. Ibrány. 9-12 (Istvánovits E.).

3 ábra. Az arab dirhemek elterjedése Európában (Bálint Cs.) a besenyők átvonulásának megjelölésével a Fekete tenger északi partvidékéről a Kárpát-medencébe a X század második felében. 1. Beregszász (Bucsú); 2. Bodrogvécs; 3. Galgóc; 4. Dobra; 5. Ibrány; 6. Karos; 7. Kenézlő; 8. Kecskemét; 9. Kistokaj; 10. Pap; 11. Perse; 12. Szeged; 13. Szilas; 14. Szolnok; 15. Szomod; 16. Tata; 17. Tardoskedd; 18. Tizzasüly; 19. Hajdúdorog; 20. Huszti járás; 21. Csoma; 22. Sárospatak; 23. Eger; 24. Alcedar; 25. Ekimauci; 26. Halics; 27. Przemysl.

4 ábra. Az ekimauci típusú fülbevalók elterjedése Európában 1. Alcedar; 2. Bőszob; 3. Blandiana; 4. Borscsivka; 5. Branesti; 6. Vác-Hétkápolna; 7. Gímbas;

8. Gnyozdovo; 9. Denisz; 10. Döge; 11. Ekimauci; 12. Zawada Lanckoronska; 13. Ibrány; 14. Kijev; 15. Kirovograd; 16. Kistokaj; 17. Kolozsvár; 18. Kopijivka; 19. Krakow; 20. Lisowek; 21. Nyíregyháza; 22. Nagykövesd; 23. Olesnica; 24. Osnica; 25. Przemysl; 26. Pereszopnica; 27. Perse; 28. Redukeni; 29. Szabolcs-Vontatópart; 30. Szentés-Szentlászló; 31. Szob; 32. Törökkanizsa; 33. Tiszabercel; 34. Tsinica; 35. Ungvári járás (?); 36. Csoma; 37. Csongrád; 38. Jurkovci.

5 ábra. A vécsi típusú díszített tarsolylemezek elterjedése a Kárpát-medencében. 1. Bana; 2. Báránd; 3. Bodrogvécs; 4. Dunavecse-Fehéregyház; 5/1-2. Eperjeske; 6. Galgóc; 7. Karos; 8. Kiskunfélegyháza; 9. Rakamaz; 10. Szolnok; 11. Szolyva; 12. Tarcál; 13. Tiszabездé; 14. Túrkeve; 15. Rétközberencs.

6 ábra. A vécsi típusú tarsolylemezek elterjedése Európában. 1. Bana; 2. Báránd; 3. Bodrogvécs; 4. Dunavecse-Fehéregyház; 5. Eperjeske; 6. Galgóc; 7. Karos; 8. Kiskunfélegyháza; 9. Rakamaz; 10. Szolnok; 11. Szolyva; 12. Tarcál; 13. Tiszabездé; 14. Túrkeve 15. Birka; 16. Krjukovo-Kuznoje; 17. Panovo; 18. Veszelo; 19. Besenyőtelek; 20. Izsák; 21. Kenézlő; 22. Tiszaeszlár; 23. Tiszanána; 24. Tuzsér; 25. Rétközberencs.

7 ábra. Csoma (Szipa Hát). A 3 sír veretes tarsolyának rekonstrukciója.

8 ábra. A csernyigovi típusú tarsolyveretek elterjedése Európában. 1. Birka; 2. Borki; 3. Gnyozdovo; 4. Ivanovo; 5. Kijev; 6. Novij Belousz; 7. Przemysl; 8. Rősta; 9. Bodroszerdahely; 10. Szjaznega; 11. Újfehértó; 12. Csemicsino; 13. Csernyigov; 14. Csoma; 15. Sesztovica.

9 ábra. A besenyők lokalizálása a Kárpát-medencében.

Литература

Багрянородный Константин. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. - М., 1982. - С.267-320.

Гедаи И. Вопросы денежного обращения у венгров до чеканки собственной монеты // Проблемы археологии и древней истории угров. - М., 1972. - С.203-205.

Дзис-Райко Г.О. Ювелірни вироби слов'ян Подністров'я (за матеріалами Одеського археологічного музею) // Праці Одеського державного університету ім. І.І.Мечникова. Серія історичних наук. - Одеса, 1959. - 149. - 7. - С.81-87.

Кобаль Й.В. Закарпаття та угорці - завойовники Батьківщини // Екзиль. - Ужгород, 1996. - 1. - С.32-33.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX - XIII вв. - М.-Л., 1954.

Кропоткин В.В. Находки куфических монет в Прикарпатье (СССР) // Acta Archaeologica Carpathica. - Kraków, 1969-1970. - 2. - С.227-230.

Кропоткин В.В. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // Проблемы археологии и древней истории угров. - М., 1972. - С.197-205.

Лінка-Геппенер Н. Копіївський скарб // Археологія. - К., 1948. - II. - С.182-191.

Літопис руський / переклад за Іпатським списком Л.Махновця. - К., 1989.

Немет П. Образование пограничной области Боржавы // Проблемы археологии и древней истории угров. - М., 1972. - С.206-220.

Прохненко І.А. Сережки екімауцького типу в басейні р.Тиси (культурно-хронологічний аспект) // Carpatica-Карпатика. Давня та середньовічна історія Карпато-Дунайського ареалу. - Ужгород, 2006. - Вип.34. - С.174-185.

Прохненко І.А. До питання про проникнення печенігів у Верхнє Потисся // Історичні студії. Збірник наукових праць з проблем давньої і середньовічної історії та етнології. - Ужгород, 2010. - Вип.3. - С.30-43.

Прохненко І.А. К вопросу о племенной атрибуции кочевнических древностей Верхнего Потисья X в. н.э. // Науковий і мистецький світ Федора Потушняка. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 100-річчю від дня народження видатного українського письменника і вченого. - Ужгород, 2010а. - С.410-420.

Прохненко И. К вопросу о гибели Екимэуцкого городища // Tyragetia. Arheologie. Istorie Antică. Serie nouă. - Chişinău, 2011. - С.291-299.

Фёдоров Г.Б. Городище Екімауцы (работа Славяно-Днестровской экспедиции в 1951 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. - М., 1953. - Л. - С.104-125.

Фёдоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. - М., 1973.

Ширинский С.С. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнёздова // Славяне и Русь. - М., 1968. - С.215-223.

Эрдели И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // СА. - 1983. - 4. - С.174-181.

A honfoglaló magyarság. - Budapest, 1996.

Bálint Cs. Einige fragen des dirhem-verkehrs in Europa // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. - Budapest, 1981. - XXXIII. - S.105-131.

Dekówna M. Remarques sur la genèse de certains types de bijoux d'argent trouvés dans les trésors polonais du Moyen Âge // Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava, 7-14 septembre 1975. - Bratislava, 1979. - 1. - P.145-164.

Dienes I. Honfoglalás kori tarsolyainkról // Folia Archaeologica. - Budapest, 1964. - XVI. - 79-112 old.

Dienes I. A honfoglaló magyarok. - Budapest, 1972.

Gesta Hungarorum. Літопис Анонімуса про діяння угорців під час пошуків і віднайдення Батьківщини / переклад з латинської та угорської К.Найпавера. - Ужгород, 2005.

Istoria românilor. Genezele românești. - București, 2001. - III.

Istvánovits E. A Rétköz honfoglalás és Árpád-kori emlékhelyeinek // Nyíregyháza, 2003.

Koperski A. Cmentarzysko "staromadziarske" w Przemyślu (komentarz do wystawy). - Przemyśl, 1979.

Kunysz A. Przemyśl w pradziejach i wczesnym średniowieczu. - Przemyśl, 1981.

Kovács L. Münzen aus der ungarischen Landnahmezeit // Fontes archaeologici Hungariae. - Budapest, 1989. - S.1-189.

Langó P. Amit elrejt a föld... A 10. századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében. - Budapest, 2007.

Mesterházy K. Az ún. tokaji kincs revíziója // Folia Archaeologica. - Budapest, 1994. - XLIII. - Old.193-242.

Nagy Á. Eger környéki és tiszavidéki besenyő települések a X - XI században (Kísérlet a magyarországi besenyők régészeti hagyatékának meghatározására) // Az Egri Múzeum évkönyve. - Eger, 1969. - Old.129-157.

Pálóczi Horváth A. Nomád népek a kelet-európai steppén és a középkori Magyarországon // Zúduló sasok. Új honfoglalók - besenyők, kunok, jászok - a középkori Alföldön és a Mezőföldön. - Gyula, 1996. - 2. - Old.7-36.

Prohnenko I. Az arab dirhemek szerepe a Kárpát-medence X századi nomád emlékeinek meghatározásában // Карпатика. Старожитності Карпатського ареалу. - Ужгород, 2010. - С.161-170.

Révész L. Heves megye 10 - 11 századi temetői. - Budapest, 2008.

Schulze-Dörrlamm M. Untersuchungen zur Herkunft der Ungarn und zum Beginn ihrer Landnahme im Karpatenbecken // JRGZM. - 1988. - 35. - S.373-478.

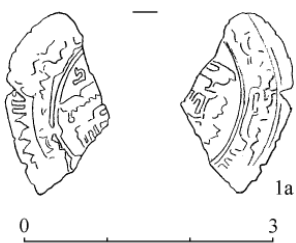

Рис.1. Чома (ур.Сипа Хат). Арабский дирхем из погребения 3.

Рис.2. Серёжки екимауцкого типа из погребений кочевников в бассейне р.Тисы. 1-8. Чома; 9. Дёге; 10. Тисаберцел; 11-12. Ибрань. 9-12 (по Э.Иштванович).

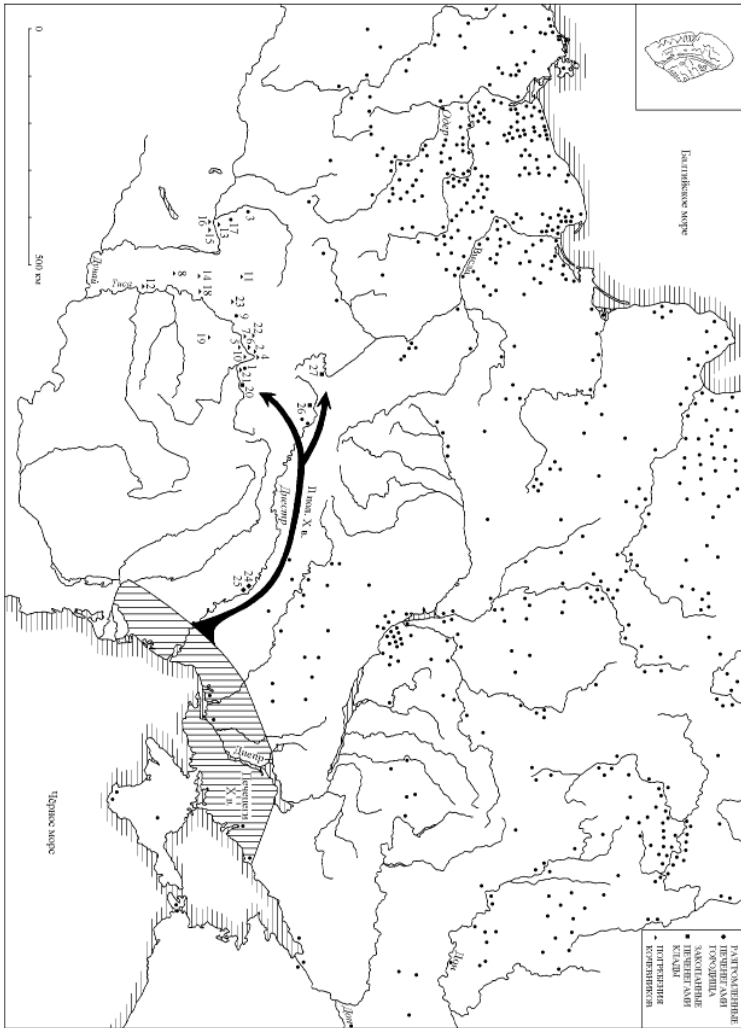

Рис. 3. Карта распространения архаических культур в Европе (по Ч. Батину) с конкретизацией пунктов, связанных с передвижением населения из Северного Причерноморья в Карпатский бассейн по южной окраине Х. н. 1. Беруново (Бучач); 2. Вец; 3. Галочев; 4. Дубров; 5. Илдрин; 6. Капуш; 7. Киседа; 8. Кичевет; 9. Кашковай; 10. Пил; 11. Прад; 12. Сета; 13. Сидаш; 14. Солоник; 15. Сомол; 16. Тара; 17. Тварушовице; 18. Тешинь; 19. Хайдуловор; 20. Хустский рин; 21. Чока; 22. Ширештов; 23. Эчр; 24. Амслар; 25. Ермакуты; 26. Галн; 27. Перкешта.

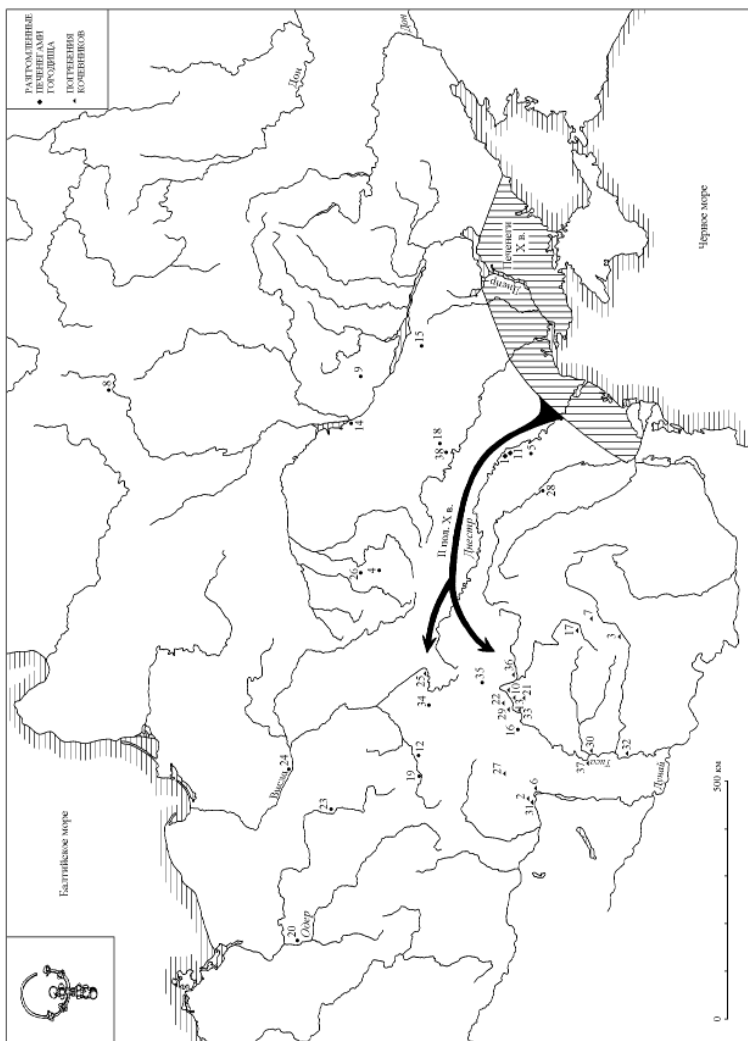

Рис. 4. Карта розповсюдження середньовічного типу в Європі. 1. Алісар; 2. Бессоб; 3. Бяндяна; 4. Боршова; 5. Бранешть; 6. Вал-Хейгалаола; 7. Гамбали; 8. Гисдов; 9. Денис; 10. Дегс; 11. Елмунша; 12. Завада Лаксборонеса; 13. Ібраша; 14. Кієв; 15. Кіровоград; 16. Кішоловай; 17. Клуж; 18. Консева; 19. Краков; 20. Лисовка; 21. Нирельша; 22. Нольдеша; 23. Олесніца; 24. Оєнша; 25. Перемішль; 26. Пересопніца; 27. Пріш; 28. Радукані; 29. Саболч-Вонтоларг; 30. Сентеш-Сентасло; 31. Соб; 32. Терекьяна; 33. Тисберешт; 34. Тіпніца; 35. Ужгородський р-н (?); 36. Чома; 37. Чоград; 38. Юреша.

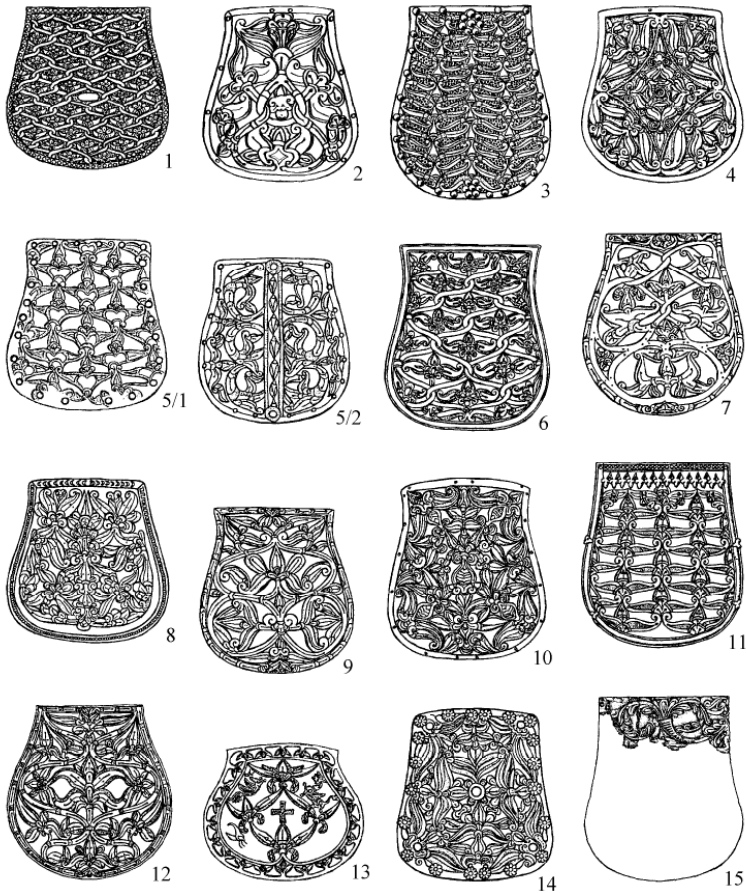

Рис.5. Орнаментированные сумочные бляхи типа Веч Карпатского ареала.
1. Бана; 2. Баранд; 3. Бодрогвеч; 4. Дунавече-Фегередьгаз; 5/1-2. Эперейшке; 6. Глаговец; 7. Карош; 8. Кишкунфеледьгаза; 9. Ракамаз; 10. Солнок; 11. Свалява; 12. Таршал; 13. Тисабездед; 14. Туркеве; 15. Реткёзберенч.

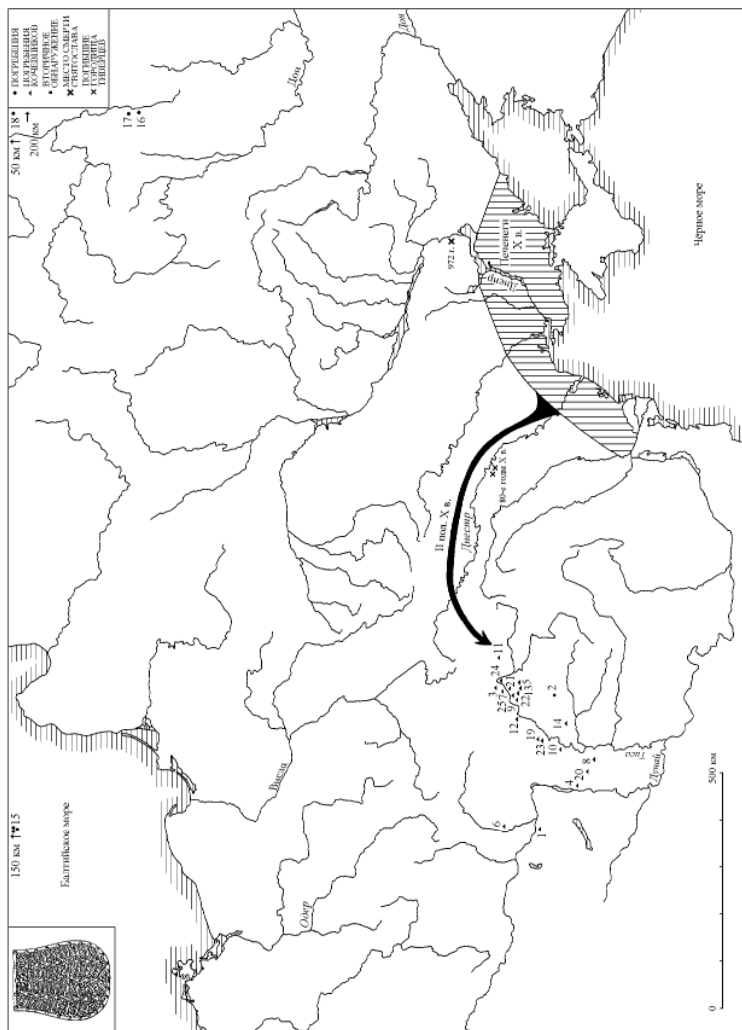

Рис. 6. Карта распространения сумочных близ типа Веч в Европе. 1. Бана, 2. Баранд, 3. Болдровец, 4. Дунавече-Фегерельгаз, 5. Эперейтшке, 6. Глаговец, 7. Карош; 8. Клишунфельдгаз; 9. Ракамаз; 10. Солнок; 11. Свалява; 12. Таршал; 13. Тисабедел; 14. Турсьеве; 15. Бирка; 16. Крюково-Кузано; 17. Паново; 18. Веселово; 19. Бешенётелек; 20. Ижак; 21. Кенелё; 22. Тисаэслар; 23. Тисанана; 24. Тужер; 25. Реткёбернен.

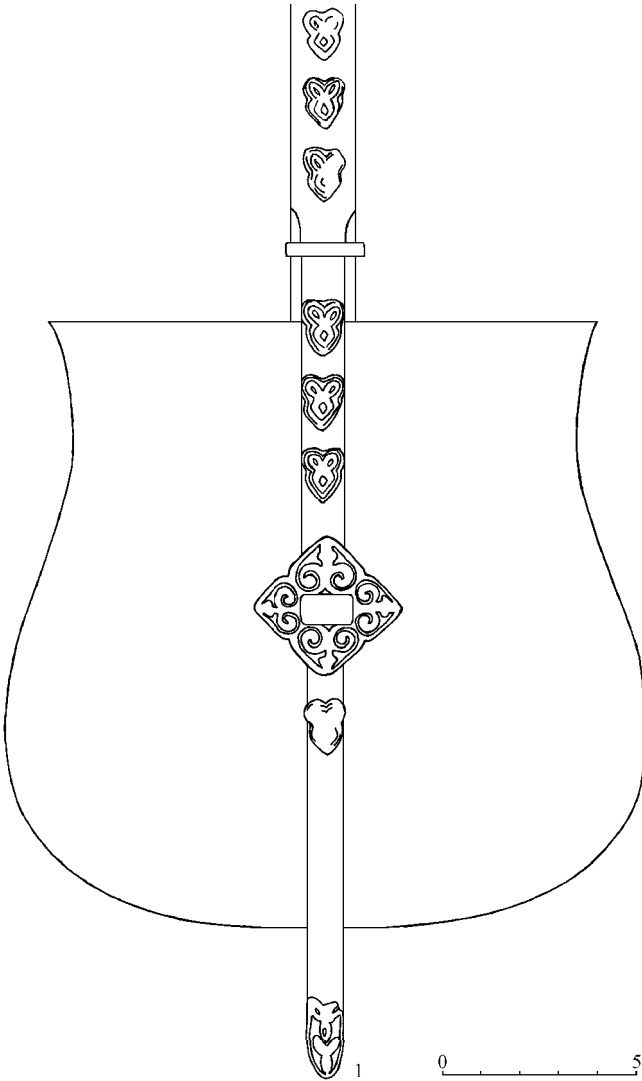

Рис.7. Чома (ур.Сипа Хат). Реконструкция сумки из погребения 3.

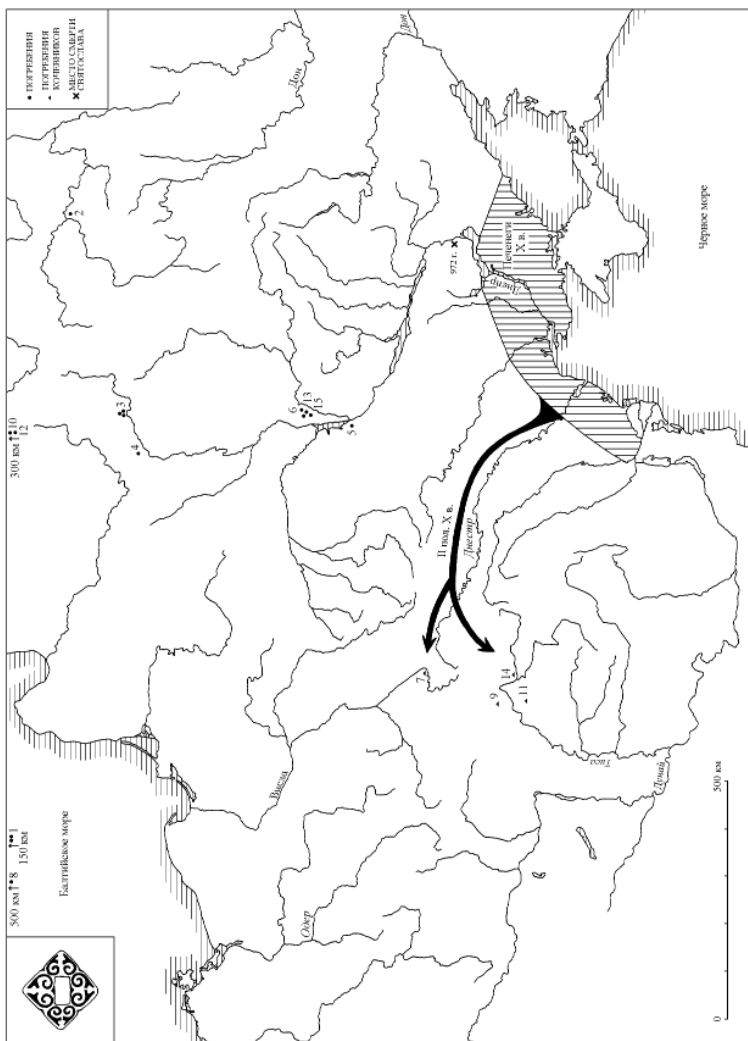

Рис. 8. Карта распространения закліток чернігівського типу в Європі. 1. Бирка; 2. Борки; 3. Гієздово; 4. Іваново; 5. Клеп; 6. Новий Белоус; 7. Перемишль; 8. Рєста; 9. Стрєла над Болдогом; 10. Сязнега; 11. Удифєрґє; 12. Чємичино; 13. Чернігов; 14. Чома; 15. Шєстовиши.

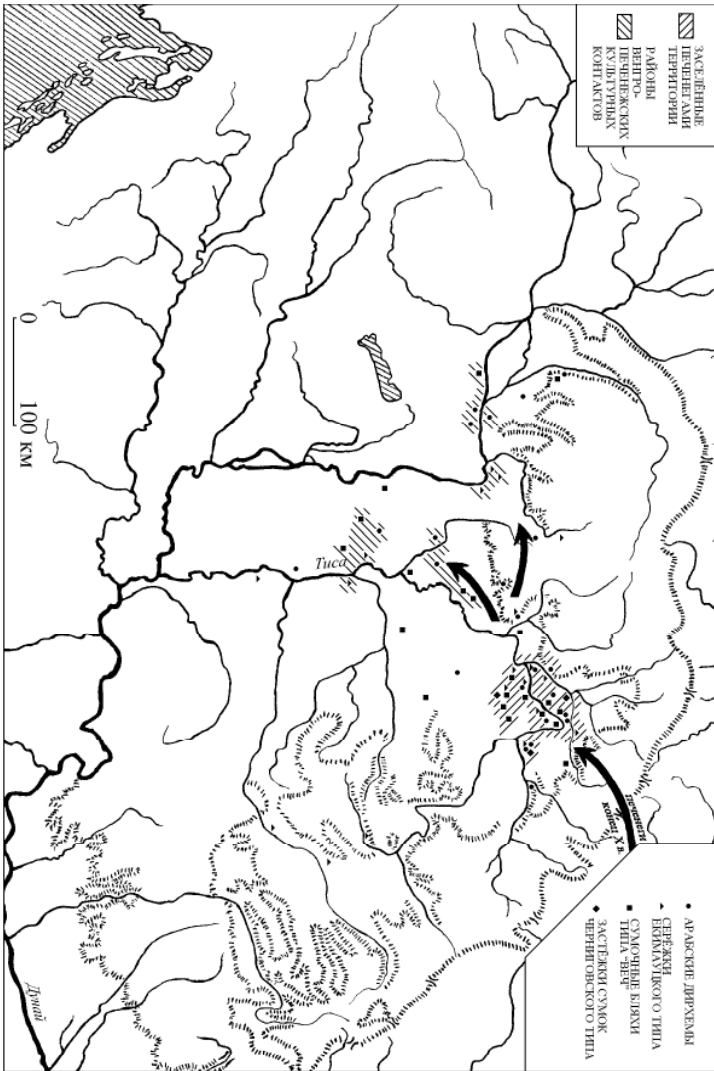

Рис. 9. Локализация печенегов в Карпатском бассейне.